

БУНТАРСТВО И ЛОЯЛЬНОСТЬ: СТРАТЕГИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИРРЕГУЛЯРНЫХ ВОЙСК С ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТЬЮ¹

Филиппов Сергей Иванович,

*кандидат философских наук,
заместитель директора по общим вопросам
Гуманитарного института
Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
filppow07@yandex.ru*

Аннотация

Статья посвящена анализу причин насилия, связанного с высоким риском для собственной жизни, распространенного среди иррегулярных войск, – (этно)социальных групп, обладающих силовыми ресурсами (элиты или претендующие на элитный статус сообщества). Исследуются условия предпочтения одной из двух стратегий в отношении иррегулярных войск с государственной властью – бунтарства или лояльности. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев – казачества Дона и Украины («Дикого поля»), а также сибирских казаков, в частности, служилого населения бассейна р. Амур, в XVII в. Рассматривается их взаимодействие с администрацией государств, либо граничащих с данными регионами, либо претендующих на контроль над ними (Россия, Речь Посполитая, Крым, Османская империя, Цинский Китай). Если казачество Юго-Восточной Европы выступало инициатором широкомасштабных восстаний, то сибирские казаки демонстрировали по преимуществу лояльность, проявляя самоотверженность и героизм в отстаивании государственных интересов. В качестве основного метода используется макроисторический подход, предполагающий синтез различных теорий и уровней анализа для объяснения исторических феноменов. Выявлено, что высокий уровень насилия, связанного со значительным риском для собственной жизни, среди иррегулярных войск обусловлен сочетанием геополитических, институциональных, демографических факторов. Во-первых, конкуренция нескольких государств за спорные территории при недостатке ресурсов для установления долговременного контроля над ними обуславливает суще-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда, проект № 16-03-00318 «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX–XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ».

ствование «фронтира» – районов с дефицитом государственных институтов и монополии на насилие. Эти регионы с неопределенными границами становятся местом концентрации «горючего материала» – индивидов, располагающих средствами насилия и навыками их применения. Во-вторых, превращение жалования в основной источник получения дохода иррегулярных войск и высокая конкуренция на геополитических рынках побуждают представителей данных социальных групп демонстрировать свои боевые навыки, мужество, стойкость, готовность пойти на риск как форму ведения переговоров с потенциальным «работодателем» (как правило, администрацией государств). Стратегия бунтарства использовалась в тех случаях, когда иррегулярные войска заключали коалиции с иными социальными группами; стратегия лояльности доминировала в тех случаях, когда возможности заключения подобных коалиций отсутствовали.

Ключевые слова: насилие, лояльность, бунтарство, иррегулярные войска, казаки.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиттов С.П. Бунтарство и лояльность: стратегии взаимодействия иррегулярных войск с государственной властью // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 2. – С. 337–349. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349.

К числу славных, но не слишком известных широкой общественности страниц военно-политической истории России относится героическая оборона крепости Албазин – основанного казаками в XVII в. укрепленного поселения на Амуре – от маньчжурских войск в 1685 г. и в 1686–1687 гг. В обоих случаях гарнизон, состоящий из казаков, имел дело со значительно превосходящими силами противника. В 1685 г. 450 защитникам острога с двумя пушками противостояли 4200 маньчжурских воинов с 200 пушками, а также 1200 кавалеристов. В 1686 г. 826 защитников крепости сражались против 5000 маньчжур. Во время пятимесячной обороны Албазина в 1686–1687 гг. защитники крепости продемонстрировали достойную выдержку и героизм: из более чем 800 человек в живых остались только 150, остальные погибли в боях или умерли от цинги. Острог так и не был сдан врагу, но отошел к Цинской империи по Нерчинскому договору 1689 г. [1, с. 138–154]. Столь высокая степень преданности царю и готовность к самопожертвованию не может не вызвать удивления, учитывая специфику служилого населения Сибири в XVII в., которое в значительной мере формировалось из ссыльных (в том числе и уголовных преступников), пленных, «гулящих людей» [17, с. 19–21], т. е. из представителей маргинальных слоев тогдашнего российского общества, не склонных к дисциплине и порядку [7]. В частности, гарнизон Албазина состоял из бывших «гулящих» и «воровских» людей, бежавших на Амур после восстаний, бунтов и грабежей в различных районах Сибири, начиная с 50-х гг. XVII в. [1, с. 39].

Отношение казачества Дона и Украины к государственной власти разительно отличалось в то время от лояльности сибирских служилых людей, хотя сибирские казаки в социокультурном плане были очень схожи с донскими и запорожскими (да и само сибирское казачество пополнялось за счет миграций с Дона и Днепра). Почему же на юго-востоке Европы казаки становились движущей силой мощных восстаний, а оказавшись в Сибири, превращались в преданных государевых слуг²?

Как будет показано ниже, бунтарство и лояльность были двумя стратегиями одного жизненного сценария казачества, или иррегулярных войск – (этно)социальных групп, обладающих силовыми ресурсами (элиты или претендующие на элитный статус сообщества), в их отношениях с государственной властью: получение материального дохода и/или символического признания (элитного статуса). Методом реализации данного сценария и социальной практикой, характеризующей обе рассматриваемые стратегии, было применение насилия, сопровождающееся высокими издержками: отчаянная (на первый взгляд безрассудная) отвага казаков, бросающих вызов значительно превосходящему их противнику – царским войскам в случае донских казаков, маньчжурской армии в случае защитников Албазина.

Научное объяснение данной практики у целой социальной группы представляет собой нетривиальную исследовательскую задачу, поскольку такое поведение отнюдь не является типичным или «естественным» [10, 18]. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы выявить причины насилия, связанного с высоким риском для собственной жизни, среди иррегулярных войск, а также условия предпочтения одной из этих стратегий – бунтарства или лояльности – в отношениях данных социальных групп с государственной властью.

Материалом анализа послужила история взаимоотношений казаков, населявших в XVII в. Юго-Восточную Европу (так называемое «Дикое поле»), а также Сибирь, в частности, бассейн р. Амур, с администрацией государств, либо граничащих с данными регионами, либо претендующих на контроль над ними (Россия, Речь Посполитая, Крым, Османская империя, Цинский Китай). Исследование проводилось методом теоретической истории, в форме сопоставления гипотетических объяснений интересующего нас феномена с историческими случаями.

² Показательным примером служит судьба основателя Албазина Никифора Черниговского, ссыльного не то польского шляхтича, не то украинского казака. В 1665 г. он стал инициатором восстания в Илимском уезде, в результате которого был убит воевода Обухов. Восставшие ушли на Амур, где и основали острог Албазин. Обосновавшись на Амуре, беглецы почему-то не довольствовались вольной жизнью в «райской землице», но начали собирать яsak с местного населения, отсылать его в Москву и ходатайствовали о признании себя служилыми людьми и прощении совершенного преступления, что и последовало в 1672 г. [1, с. 40].

Для гипотетических объяснений отваги казаков используются следующие подходы.

1. Теории воздействия (природной или социальной) среды на сознание/поведение индивидов и их сообществ («средовые» теории). Сюда относится, в частности, теория фронта Ф. Тернера, получившая определенную популярность среди российских историков в конце XX в. [5, 6, 16]. В рамках данной теории социокультурные особенности жителей пограничья (свободолюбие, агрессивность, готовность с оружием в руках отстаивать свои интересы и др.) объясняются спецификой территории их проживания, прежде всего отсутствием или слабостью государственных институтов. К данной группе относится и теория «стесненности» Р. Карнейро, объясняющая появление государства (подробнее на этой теории остановимся ниже).

2. С точки зрения структурно-демографической теории общественную нестабильность и относительно высокий уровень агрессии вызывает «молодежный бугор» – относительно высокая доля молодежи, прежде всего неженатых мужчин, в составе населения [19, pp. 489–496].

3. Теория обмена (традиция А. Смита) рассматривает социальные процессы как зачастую неравноценный и неосознанный (или не признаваемый) обмен различными ресурсами между акторами, который сопровождается переговорами (торг, демонстрация, навязывание). В рамках данной традиции проявления активной нелояльности (в том числе демонстрация или угроза применения силы) выступают в качестве этапа переговоров в процессе обменов. К этой группе относится и теория мировых систем, интерпретирующая особенности различных социокультурных сообществ (наций, сословий, этнических группы и др.), а также взаимоотношения между ними как результат международных (как правило, неэквивалентных) обменов [3].

Прежде всего рассмотрим «средовое» объяснение отваги казаков. Как «Дикое поле», так и Приамурье в XVII–XVIII вв. остаются *terra nullius* – территорией, не подконтрольной ни одному из государств региона в силу дефицита ресурсов у каждого из них (Россия, Крым, Османская империя, Речь Посполитая в случае с «Диким полем», Россия и Цинская империя – в случае с Приамурьем). Политикой этих держав в отношении спорных территорий было взаимное сдерживание, что превратило земли с обильными ресурсами в пустыню. Здесь не возводились крепости, не размещались войска или полицейские силы, уничтожались ресурсы, которые могли быть использованы для снабжения войск. Тактику «выжженной земли» впервые в Восточной Европе, по-видимому, применил ротмистр на польской службе Бернард Претвич, выжигая степь на несколько десятков километров вглубь «Дикого поля», чтобы сохнувшая трава не стала источником фуража для лошадей крымских татар [11, с. 73, 74].

Свое «Дикое поле» во второй половине XVII в. возникает и в Юго-Восточной Сибири. Согласно Нерчинскому договору, Албазин подлежал «разорению до основания» при «клятвенном обязательстве» цинов не заселять «Албазинские земли». Русские казаки и крестьяне были вынуждены переселиться в Забайкалье, а коренное население – дауры и дючеры, ранее переселившиеся (или депортированные) в центральные районы Маньчжурии, осталось жить на новом месте. В итоге маньчжурская колонизация не получила сколько-нибудь серьезного распространения, так как клятвенное обязательство, данное маньчжурами: «земли до самого Албазина не заселять, а иметь там только карауль» – препятствовало этому [9, с. 28]. Не удивительно, что плотность и численность населения в данных регионах оставались относительно небольшими.

Согласно теории ограниченности (стесненности) Р. Карнейро, низкая численность и плотность населения, а также возможность в случае угрозы мигрировать на свободные пригодные для жизни территории предотвращают установление стабильного господства одних групп населения над другими, т. е. монополизацию средств насилия и складывание государства [10, с. 55–71]. Отсутствие монополии на насилие приводит в среднем к более высокому уровню агрессии и жестокости, чем в обществах, имеющих государственность [20]. Высокой агрессивностью отличались и казаки как по отношению к внешним врагам, так и друг к другу. Однако, «средовая» теория не может служить объяснением агрессивности казацкого населения «Дикого поля» и Сибири, поскольку это население не было стабильным и состояло в значительной мере из выходцев из других регионов, а воздействие окружающей среды на сознание и поведение населения, опосредованное институтами социализации, предполагает длительный характер.

Высокая степень агрессивности казаков и геополитическая, а также институциональная ситуация в регионе их проживания связаны друг с другом. Дело в том, что «Дикое поле», как и Сибирь (в том числе Даурия), превратилось в место притяжения смелых и предприимчивых людей (преимущественно молодых и не обремененных семей), которых привлекала возможность быстрого обогащения, а также иммунитет от преследований и поборов государственной власти («с Дона выдачи нет»). Следует отметить, что в Сибирь такие «совершенно не склонные к сентиментальности и добродушию» [7] люди направлялись и принудительно, пополняя ряды иррегулярных войск [17, с. 15–17]. Такая концентрация «горючего человеческого материала», согласно структурно-демографической теории, является причиной общественной нестабильности.

Точных демографических характеристик войскового населения Дона и Украины XVII в. нет, но косвенные данные свидетельствуют об относитель-

но высокой доле среди казаков в указанный период времени молодых неженатых мужчин. Условием принятия в казачество было отсутствие семьи (первоначально само слово «казак» обозначало неженатого парня [15, с. 282]). Наличие семьи вообще было в казачьей среде не обычным делом (как среди иных сословий, кроме духовенства), а признаком состоятельности. Приток на войсковую территорию молодого мужского населения фиксируется также документально в источниках того времени [8, с. 303–313, с. 371].

Сходная ситуация складывается и в Сибири. В частности, в бассейне Амура к началу 80-х гг. XVII в. проживало до 800 человек русского населения, включавшего казаков, крестьян, промышленных и гулящих людей, из них только 300 женщин и детей [1, с. 43]. Относительно высокая доля молодых мужчин на территории «Дикого поля», а также в среде служилого населения Сибири была, таким образом, следствием не естественного, а механического прироста населения (миграций).

Геополитическая ситуация в Юго-Восточной Европе и в бассейне Амура, обусловившая дефицит монополии на насилие (что, в свою очередь, сделало данные территории привлекательными для людей с авантюрными наклонностями), объясняет высокую степень социальной нестабильности и агрессивности в казачьей среде, но не направленность агрессии против государственной власти. Главным ответом населения на попытки установления господства над ним при наличии свободных от контроля того или иного государства земель является уход – переселение на иные территории (в условиях изобилия свободных территорий бегство было связано с меньшими издержками, чем сопротивление завоевателям, а у завоевателей не было эффективных средств помешать проигравшим сообществам спастись бегством [10, с. 60]). Поэтому совершенно непонятна самоотверженная преданность государю со стороны сибирского казачества, чья краткая характеристика и источники комплектования рассмотрены в начале статьи.

Для объяснения обеих амбивалентных стратегий взаимоотношений казаков с государственной властью используем эвристический потенциал теории обменов. Как высокая степень лояльности иррегулярных войск, так и восстания казаков против власти, достигшие своего апогея в XVII–XVIII вв., имеют общую причину – возрастающую зависимость благополучия этой социальной группы от казенного жалования. Так, на Дону доходы казаков были трех основных видов: «хождение за зипунами» (грабеж купеческих караванов, набеги на соседние территории и грабеж их населения, захват и продажа или возвращение за выкуп полона); соляные промыслы, рыболовство, продажа коней, в том числе и краденых; государево жалование. По мере распространения и укрепления государственного контроля (и, соответственно, порядка и безопасности) на территориях, которые являлись целью казачьих набегов, жалование становилось едва ли не единственным

источником дохода казаков. При этом предложение часто превышает спрос: администрации государств региона не нуждались в таком количестве служилых людей (точнее, не были готовы регулярно оплачивать их содержание).

Казацкие бунты и восстания выступают формой торга с властью за жалование, навязывания государству охранных услуг³. Если рассматривать казацкие восстания как стратегию борьбы за статус государственных служащих и соответствующее такому статусу жалование, то нельзя не признать ее успех. Размеры ежегодных хлебных поставок на Дон в XVII–XVIII вв. увеличиваются в несколько раз [2]. В 1798 г. этот своеобразный торг между казаками и властью завершается полной победой первых: казацкая старшина кооптируется в российское дворянство, казаки в целом становятся привилегированным военно-служилым сословием.

Сходная ситуация складывается и в отношениях между запорожцами и Польской Короной. Одним из наиболее важных мотивов конфликтов между ними была численность реестра – казаков, принимаемых на государственную службу и получающих за это жалование и статус безгербовой шляхты. С XVI по XVII в. численность реестра возрастала с 300 человек (1572 г.) до 40 000 (по Зборовскому договору 1649 г., не утвержденному Сеймом). Правительство Алексея Михайловича в 1654 г. увеличивает реестр до 60 000 человек.

Зависимость благополучия казаков от государственной службы усиливается в XVII в. также и в Сибири. Первоначально источником доходов местного служилого населения было отнюдь не скудное жалование, а принуждение аборигенов к неэквивалентной торговле пушниной (особой ценностью обладал соболь), прямой грабеж и превращение местного населения в собственных холопов. Значительная часть изъятого шла мимо казны, ресурсы государства хищнически разворовывались: вместо одного соболя, что было положено по закону, изымалось четыре, иногда 8–10 [7]. В результате этого соболь практически исчезает в Сибири к концу 60-х гг. XVII в. [4] В Даурии ситуация для служилого населения складывается еще более драматично. В 1654 г. дауры, дючеры и другие племена, проживающие в бассейне Амура, с которых казаки собирали ясак, переселяются на территорию, подконтрольную маньчжурам. Хозяйство края приходит в упадок, «райская земля» пустеет [1, с. 28].

Возникает вопрос: почему сибирские казаки, оказавшись в сходных с донцами и запорожцами условиях дефицита традиционных ресурсов, при-

³ Например, в 1666 г. Василий Ус с отрядом в 700 казаков отправился с Дона на Москву с предложением принять себя и соратников на государеву службу, для убедительности призывая в свой отряд помещичьих крестьян и нападая на самих помещиков [14, с. 40, 41]. Степан Разин ведет переговоры с персидским шахом о приеме на службу. Реакцией на отказ шаха это сделать становится уничтожение некоторых иранских поселений, а также знаменитое морское сражение разинцев с персидским флотом.

держивались тем не менее совершенно иной стратегии во взаимоотношениях с государственной властью, проявляя лояльность и преданность государю, ведь стратегия «агрессивного торга» показала себя более эффективной? Дело в том, что казакам Дона и Украины удавалось привлечь на свою сторону помещичьих крестьян путем их «показачивания» – освобождения от помещичьей зависимости и зачисления в вольные казаки. Условий для подобной солидарности не было в Сибири XVIII в., поскольку русское крестьянское население здесь было весьма малочисленно, помещичье землевладение отсутствовало, а автохтонное население подвергалось со стороны казаков жестокой эксплуатации. В фольклоре сибирских народов образ казака совершенно лишен каких-либо позитивных черт, является воплощением крайней и часто немотивированной жестокости и коварства [12, с. 32–39]. Таким образом, в Сибири отсутствовали условия для создания крупных антивластных коалиций. Примечательно, что с превращением в XIX в. казачества Дона в замкнутое привилегированное сословие [8, с. 308], что было обусловлено закрытием «степного фронта» (демаркация границ, установление государственного контроля над территорией бывшего Дикого поля в конце XVIII в.), завершается эпоха масштабных казачьих восстаний. Связано это было, по-видимому, также и с тем, что казачество используется властью в карательных целях внутри страны, что сводит на нет возможность создания коалиций казаков с иными социальными группами.

Конечно, против восприятия самопожертвования в защите государевых интересов как «рыночной стратегии» могут быть выдвинуты возражения морально-ценностного плана, ведь говорить о патриотизме и героизме как о некоей форме торга просто кощунственно. Тем более что заслуги защитников Албазина, увы, особого признания со стороны Российского государства не получили. Но всегда ли самопожертвование и героизм основаны на безусловной преданности индивидов ценностям и идеалам сообщества («альтруистическое самоубийство» по Э. Дюркгейму)? Внимательный анализ конфликта вокруг Албазина позволяет усомниться в данной гипотезе. Обе стороны противостояния – казаки и Цинские власти – не рассматривали друг друга как непримиримых врагов и вовсе не вели войну на уничтожение. Во время первой осады маньчжуры позволяют уйти сдавшемуся гарнизону вместе с оружием, а не истребляют его, что они обычно делали [1, с. 142]. Во время второй осады маньчжуры предлагают защитникам Албазина, страдающим от цинги, воспользоваться услугами своих лекарей, а те, в свою очередь, приносят в дар страдающим от голода осаждающим их войскам пудовый каравай [Там же, с. 154].

Чем можно объяснить такие не совсем обычные взаимоотношения маньчжурской армии и казаков? Возможно, мотивация защитников Албазина основывалась не только на преданности русскому царю, но и на желании продемонстрировать свои достоинства – стойкость, мужество, военное искусство.

ство – другому потенциальному патрону, а именно Цинам? В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что маньчжурам удалось «прельстить» несколько десятков молодых казаков из числа защитников Албазина. Они были зачислены в императорскую гвардию с дислокацией в Пекине, положив начало истории китайского казачества [Гам же, с. 143].

Таким образом, высокий уровень насилия, связанного со значительным риском для собственной жизни, среди иррегулярных войск обусловлен сочетанием геополитических, институциональных, демографических факторов. Во-первых, конкуренция нескольких государств за спорные территории при недостатке ресурсов для установления долговременного контроля над ними обуславливает существование «фронта»: районов с дефицитом государственных институтов и монополии на насилие, с неопределенными границами, которые становятся местом концентрации «горючего материала» – индивидов, располагающих средствами насилия и навыками их применения. Во-вторых, превращение жалования в основной источник получения дохода иррегулярных войск и высокая конкуренция на геополитических рынках побуждала представителей данных социальных групп демонстрировать свои боевые навыки, мужество, стойкость, готовность пойти на риск как форму переговоров с потенциальным «работодателем» (как правило, администрацией государств).

Стратегия бунтарства использовалась в тех случаях, когда иррегулярные войска заключали коалиции с иными социальными группами, стратегия лояльности – когда возможности заключения подобных коалиций отсутствовали.

Литература

1. *Александров В.А.* Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1984. – 275 с.
2. *Астапенко М.П.* Жалованье донских казаков // Астапенко М.П. Донские казаки, 1550–1920 [Электронный ресурс]: учебное пособие. – Ростов н/Д.: Логос, 1991. – 144 с. – URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000069/st010.shtml> (дата обращения: 25.08.2019).
3. *Балибар Э., Валерстайн П.* Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности. – М.: Логос-Альтера, 2003. – 272 с.
4. *Вилков О.Н.* Пушной промысел в Сибири [Электронный ресурс] // Наука в Сибири. – 1999. – № 45 (2231). – URL: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.php?19+165+1> (дата обращения: 25.08.2019).
5. *Замятина Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // Общественные науки и современность. – 1998. – № 5. – С. 75–88.
6. *Зборовская Е.А.* Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронта // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. – 2013. – № 12. – С. 280–285.

7. Зув А.С. Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. [Электронный ресурс]. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 330 с. – URL: <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-part2> (дата обращения: 25.08.2019).
8. Кабузан В.М. Численность и размещение казаков Российской империи в XVIII – начале XX в. // Труды Института российской истории. – 2008. – Вып. 7. – С. 302–326.
9. Кабузан М.К. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII – начало XX века). – Хабаровск: Кн. изд-во, 1976. – 200 с.
10. Карнейро Р.А. Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко и др. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 55–71.
11. Кузнецов О.Ю. Рыцарь Дикого поля. Князь Д.И. Вишневецкий. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 224 с.
12. Кузьминых В.И. Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири // Урало-Сибирское казачество в панораме веков. – Томск: ТГУ, 1994. – С. 32–39.
13. Куц О.Ю. Донское казачество в период взятия Азова до выступления Разина (1637–1667). – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 392 с.
14. Лебедев В.И. Крестьянская война под предводительством Степана Разина. – М.: Просвещение, 1955. – 186 с.
15. Петкевич К. Казацкое государство // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко и др. – Волгоград: Учитель, 2006. – С. 280–304.
16. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное / Д.Я. Резун, В.А. Ламин, Т.С. Мамсик, М.В. Шиловский. – Новосибирск: ИДМИ, 2001. – 113 с.
17. Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 228 с.
18. Collins R. Violence: a micro-sociological theory. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009. – 584 p.
19. Goldstone J. Revolution and rebellion in the early modern world. – Berkeley: University of California Press, 1993. – 608 p.
20. Keeley L.H. War before civilization: the myth of the peaceful savage. – New York: Oxford University Press, 1997. – 272 p.

Статья поступила в редакцию 05.12.2018.

Статья прошла рецензирование 17.01.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349

REBELLION AND LOYALTY: STRATEGIES OF INTERACTION BETWEEN IRREGULAR TROOPS AND STATE POWER

Filippov Sergey,

Cand. of Sc. (Philosophy),

Deputy Director for General Counsel

Institute for the Humanities,

Novosibirsk National Research State University,

1 Pirogov St., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

filippow07@yandex.ru

Abstract

The paper analyzes the reasons of violence involving a high level of the risk of life among irregular troops – ethno-social groups possessing means of violence (elites or communities claiming the elite status). Besides, the author examines factors that influence preferring one of the two alternative strategies relating the interaction between irregular troops and the state power – rebellion or loyalty.

The analysis is based on comparing two contrastive cases – the Cossacks inhabiting the Southeast Europe (“Wild Fields”) and the Cossacks inhabiting Siberia, in particular, the Amur River basin in the 17th century. The author considers the interaction of the above mentioned social groups of the Cossacks with the administrations of their states and neighboring countries (Russia, the Crimean Khanate, the Ottoman Empire, the Polish-Lithuanian Commonwealth in the case of “Wild Fields”, Russia and China in the case of the Amur River). Don Cossacks as well as Zaporozhian Cossacks initiated large scale revolts in the 17th century whereas Siberian Cossacks showed loyalty to the Czar’s Government and even sacrifice and heroism defending the interests of Russian state, as was the case with the siege of the Russian fort Albazin in 1685 and in 1686–87 by the Manchu troops. The macrohistorical approach is used as the main research method. The sources of hypothetical explanations are theories of the impact of the environment on thought and behavior of individuals and their communities, structural-demographic theory and the theory of exchanges.

The analysis has shown that violence involving a high level of the risk of life among irregular troops is due to the impact of several factors of geopolitical, institutional and demographic origin. First, the competition between several states for the sustainable control over disputed areas when none of the competing states is able to establish this control creates “frontiers” – territories with undefined borders characterized by the deficit of the monopoly on violence and the lack of state institutions. These regions became attractive for individuals possessing the means of violence. Second, increasing competition on geopolitical markets as well as growing dependence of Cossacks wellbeing on the payments from state treasury motivate them to demonstrate their fight skills, courage, persistence as a kind of bargaining with the government for salary and recognition of their status

as state servants. The strategy of rebellion was used when the irregular troops were able to build coalitions with others social groups whereas the strategy of loyalty was chosen in case of lacking potential allies.

Keywords: violence, loyalty, rebellion, irregular troops, the Cossacks.

Bibliographic description for citation:

Filippov S. Rebellion and loyalty: strategies of interaction between irregular troops and state power. *Idey i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, pt. 2, pp. 337–349. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.2-337-349.

References

1. Aleksandrov V.A. *Rossiya na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraya polovina XVII v.)* [Russia on the Far Eastern frontiers (second half of the 17th century)]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1984. 275 p.
2. Astapenko M.P. Zhalovan'e donskikh kazakov [The monetary salary of the Don Cossacks]. Astapenko M.P. *Donskie kazaki, 1550–1920* [Don Cossacks, 1550–1920]. Rostov-on-Don, Logos Publ., 1991. 144 p. Available at: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000069/st010.shtml> (accessed 25.08.2019).
3. Balibar E., Wallerstein I. *Race, nation, class: ambiguous identities*. London, New York, Verso, 1991 (Russ. ed.: Balibar E., Vallerstain I. *Rasa, natsiya, klass: dvusmyslennyye identichnosti*. Moscow, Logos-Alt'era Publ., 2003. 272 p.).
4. Vilkov O.N. Pushnoi promysel v Sibiri [Fur industry in Siberia]. *Nauka v Sibiri – Science in Siberia*, 1999, no. 45 (2231). Available at: <http://www.nsc.ru/HBC/hbc.phtml?19+165+1> (accessed 25.08.2019).
5. Zamyatina N.Yu. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoi i russkoi kul'turakh [The zone of exploring (frontier) and its image in American and Russian cultures]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 5, pp. 75–88.
6. Zberovskaya E.L. Sotsiokul'turnye aspekty osvoeniya Sibiri v kontekste teorii frontira [Socio-cultural aspects of Siberia development in the frontier theory context]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – The Bulletin of the Bulletin of KrasGAU*, 2013, no. 12, pp. 280–285.
7. Zuev A.S. *Russkie i aborigeny na krainem severo-vostoke Sibiri vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII vv.* [Russians and aborigines in the far north-east of Siberia in the second half of the XVII – the first quarter of the XVIII centuries]. Novosibirsk, Novosibirsk State University Publ., 2002. 330 p. Available at: <http://zaimka.ru/zuev-aborigines-part2> (accessed 25.08.2019).
8. Kabuzan V.M. Chislennost' i razmeshchenie kazakov Rossiiskoi imperii v XVIII – nachale XX v. [The number and location of the Cossacks of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries]. *Trudy Instituta rossiyskoy istorii – Proceedings of the Institute of Russian History*, 2008, iss. 7, pp. 302–326.
9. Kabuzan M.K. *Kak zaselyalsya Dal'nii Vostok (vtoraya polovina XVII – nachalo XX veka)* [How the Far East was settled (second half of XVII – beginning of XX century)]. Khabarovsk, Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1976. 200 p.

10. Carneiro R.L. Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva [A theory of the origin of the state]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early state, its alternatives and analogues]. Ed. by L.E. Grinin, D.M. Bondarenko et al. Volgograd, Uchitel' Publ., 2006, pp. 55–71. (In Russian).
11. Kuznetsov O.Yu. *Rytsar' Dikogo polya. Knyaz' D.I. Vishnevetskii* [Knight of the Wild Field. Prince D.I. Vishnevetsky]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2013. 224 p.
12. Kuz'minykh V.I. Obraz russkogo kazaka v fol'klore narodov Severo-Vostochnoi Sibiri [The image of the Russian Cossack in the folklore of the peoples of North-Eastern Siberia]. *Uralo-Sibirskoye kazachestvo v panorame vekov* [Ural-Siberian Cossacks in the panorama of centuries]. Tomsk, TSU Publ., 1994, pp. 32–39.
13. Kuts O.Yu. *Donskoe kazachestvo v period vzyatiya Azova do vystupleniya Razina (1637–1667)* [Don Cossacks in the period of the capture of Azov before the speech of Razin (1637–1667)]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2009. 392 p.
14. Lebedev V.I. *Krest'yanskaya voina pod predvoditel'stvom Stepana Razina* [Peasant war led by Stepan Razin]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1955. 186 p.
15. Petkevich K. Kazatskoe gosudarstvo [Cossack state]. *Ranee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [Early state, its alternatives and analogues]. Ed. by L.E. Grinin, D.M. Bondarenko et al. Volgograd, Uchitel' Publ., 2006, pp. 280–304.
16. Rezun D.Ya., Lamin V.A., Mamsik T.S., Shilovskii M.V. *Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshchee i osobennoe* [Frontier in the history of Siberia and North America in the XVII–XX centuries: the general and the particular]. Novosibirsk, IDMI Publ., 2001. 113 p.
17. Shunkov V.I. *Ocherki po istorii kolonizatsii Sibiri v XVII – nachale XVIII vekov* [Essays on the history of the colonization of Siberia in the XVII – early XVIII centuries]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1946. 228 p.
18. Collins R. *Violence: a micro-sociological theory*. Princeton, Princeton University Press, 2009. 584 p.
19. Goldstone J. *Revolution and rebellion in the early modern world*. Berkeley, University of California Press, 1993. 608 p.
20. Keeley L.H. *War before civilization: the myth of the peaceful savage*. New York, Oxford University Press, 1997. 272 p.

The article was received on 05.12.2018.

The article was reviewed on 17.01.2019.